

КОНТЕКСТНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Ларионов Павел Алексеевич

Стажер-исследователь кафедры уголовного права
Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург),
ORCID: 0000-0002-6918-0906, e-mail: plarionov@mail.ru.

Автор предпринимает попытку сформулировать универсальный перечень правил правоприменительной интерпретации уголовного закона, позволяющий избежать получения априори незаконного результата. Предлагается разделить контекстные ограничения толкования на две группы: общеправовые и отраслевые. Автор раскрывает содержание ограничений каждой группы с опорой на положения нормативных правовых актов, доктрины и судебной практики. Актуальность исследования обусловливается неперенным наличием в практике отправления правосудия по уголовным делам интерпретационного элемента, который, в том числе, детерминирует законность или дефектность принимаемого акта.

Ключевые слова: толкование, контекст, ограничение уголовно-правовой интерпретации, правоприменение

Для цитирования: Ларионов П. А. Контекстные ограничения уголовно-правовой интерпретации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 1. С. 35–44. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_1_35.

CONTEXTUAL RESTRICTIONS IN CRIMINAL LAW INTERPRETATION

Larionov Pavel

Junior researcher, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
ORCID: 0000-0002-6918-0906, e-mail: plarionov@mail.ru.

The author attempts to formulate a consolidated universal list of rules for the interpretation of criminal law provisions, which allows to avoid obtaining an a priori illegal result. It is proposed to divide contextual restrictions of interpretation into two groups: general and sectoral. The author reveals the content of the restrictions of each group, based on the provisions of normative legal acts, doctrine and judicial practice. The relevance of the study is confirmed by the indispensable presence in criminal law enforcement practice of an interpretative element, which, among other things, determines the legality or defectiveness of the adopted act.

Key words: interpretation, context, restriction of interpretation, law enforcement

*For citation: Larionov P. (2023) Contextual restrictions in criminal law interpretation. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu»*, no. 1, pp. 35–44, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_1_35.*

«Смысл (толкования. – П. Л.) есть правоприменение»¹, из чего следуют два фундаментальных вывода: во-первых, толкование должно служить цели разрешения конкретной правовой ситуации, а во-вторых, толкование должно быть ограничено условиями этой ситуации и его результат должен быть применим на практике. Очевидно, что не

¹ Цит. по: *Ammann O. Domestic Courts and the Interpretation of International Law. Methods and Reasoning Based on the Swiss Example. Copenhagen: Brill Publishers, 2019. P. 164. DOI: <https://doi.org/10.1628/978-3-16-158164-9>.*

всякое толкование отвечает последнему критерию. Например, интерпретация *contra legem* в отечественной правовой системе недопустима, так как нарушает монополию законодательной власти на создание норм права. Аналогично признается дефектным толкование уголовно-правовых запретов, которое допускает их ретроспективное применение. Следовательно, результат официального толкования, положенный в основу правоприменительной аргументации, ограничен контекстом как правовой системы в целом, так и конкретных правоотношений, в рамках которых осуществляется интерпретация.

Отечественная теория права не содержит фундаментальных работ, посвященных интерпретационным ограничениям. Чаще в академических материалах ограничения толкования вообще не упоминаются¹. Даже в классических доктринальных источниках, где отрицается идея «абсолютной свободы толкования», последняя связывается с выработкой не собственно ограничений интерпретации, а лишь методик и технических приемов, которые облегчали бы труд и ускоряли бы достижение цели².

Современная доктрина права если и обозначает рамки толкования, то формулирует их абстрактно³. Единственное контекстное правило в толковании, которое артикулировано в научных трудах, касается «технической» цели интерпретации – уяснения истинной воли законодателя. Отталкиваясь от воли законодателя, толкователь нуждается также в установлении конкретных ограничений, что облегчило бы выполнение поставленной перед ним задачи.

Стоит оговориться, что слово «контекст» употребляется в двух значениях: 1) контекст юридический – установленные нормами права и правовыми принципами ограничения дискреции толкователя по приданию конкретному нормативному акту определенного смысла; 2) контекст «фактический» – конкретные общественно-политические условия изменения подхода правоприменителя к толкованию правовых норм. В настоящем исследовании мы обратимся к контексту юридическому.

Первые попытки изучения и формулирования ограничений интерпретационной свободы предпринял Ф. К. фон Савиньи. По его словам, «если у двусмысленного закона одно объяснение соответствует строгому праву, а другое *aequitas*, то это последнее должно быть главным». Иными словами, среди полученных различными приемами результатов толкования приоритет должен отдаваться тому, который соответствует принципу справедливости. Во времена Ф. К. фон Савиньи *aequitas* (справедливость) рассматривалась как юридическая максима, которая определяла содержание каждого закона, а отсюда толкование, противное ему, априори не соответствовало законодательной воле⁴.

В современной российской доктрине также встречаются точечные указания на ограничения интерпретации законов. Так, В. О. Лучин и А. В. Мазуров отмечают недопустимость расширительного толкования перечней в публичном праве⁵. Схожее ограничение называет С. В. Суркова, говоря об «общепринятом запрете на расширительное толкование законченных перечней (обстоятельств, субъектов и т. д.); санкций; положений, составляющих исключение из общего правила»⁶. В отечественном уголовном праве нарушения такого рода чаще всего связаны, например, с признанием в качестве отягчающего обстоятельства мнения потерпевшего, настаивающего на строгом наказании для подсудимого⁷.

¹ Подробнее см.: Теория государства и права: в 2 т. Т. 2: Особенная часть: учеб. и практикум для вузов / под общ. ред. А. П. Альбова, С. В. Николюкина. М.: Юрайт, 2023.

² Шершеневич Г. Ф. Общая теория права // Шершеневич Г. Ф. Избранное: в 6 т. / вступ. сл., сост. П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2016. Т. 4. С. 627.

³ Колоколов Я. Н. Отечественный парламент лишен права на аутентическое толкование своих законов // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 2. С. 20–24.

⁴ См., например: ст. 1135 гл. 3 разд. III кн. 3 Кодекса Наполеона, где на первом месте в числе источников уяснения смысла договоров указана справедливость (*Spence G. The Code Napoleon or The French Civil Code. L.: William Benning, 1827*).

⁵ Лучин В. О., Мазуров А. В. Толкование Конституции Российской Федерации (обзор практики Конституционного Суда) // Право и власть. 2001. № 1. С. 90–103.

⁶ Суркова С. В. Расширительное толкование норм права // СПС «КонсультантПлюс». 2022.

⁷ В связи с этим вышестоящие судебные инстанции неоднократно отменяли или изменяли состоявшиеся судебные решения на основании выявленных существенных нарушений норм уголовного мате-

Контекстные ограничения суть правовые принципы, противоречие которым влечет дефектность интерпретации. Такое противоречие является коллизией интерпретации и фундаментального положения, артикулированного прямо или косвенно в нормативных правовых актах. Отсюда соблюдение контекстных ограничений есть не что иное, как использование систематического вида толкования при уяснении смысла нормы в ее отраслевом или общеправовом контексте¹.

Однако в доктрине в таком качестве систематическое толкование рассматривается редко. В большинстве случаев ученые склонны связывать систематическую интерпретацию с «изучением близких по содержанию норм, развивающих и детализирующих ее»². Самое широкое понимание систематической интерпретации обнаруживаем у А. С. Пиголкина, который указывает на необходимость «использования связи конкретных норм с общей частью той же отрасли права»³. По нашему же мнению, необходимо проследить не только внутриотраслевые, но и общеправовые связи толкуемой нормы, которые и высвечивают интерпретационный контекст.

Отсюда выделение контекста толкования как отдельного структурного элемента интерпретации не представляется необходимым. В то же время напрашивается более важный вопрос: если ограничения толкования служат цели адаптации результата толкования к конкретным правоприменительным целям (будь то правомерное и безошибочное разрешение индивидуального спора или же дача разъяснений компетентным субъектом), то значит ли это, что систематическое толкование норм права должно стать неотъемлемым элементом правоприменительной деятельности? На наш взгляд, этот вопрос должен получить положительный ответ. Обусловлено это практически: ряд ограничений толкования представляют собой общеправовые принципы, закрепленные в актах высшей юридической силы, нарушение которых недопустимо в соответствии с положениями ч. 1 ст. 15 Конституции РФ. В то же время допущенное в ходе интерпретации нарушение не фундаментальных, а отраслевых принципов зачастую и в доктрине⁴, и на практике⁵ рассматривается как фатальное для вынесенного судебного решения. Отсюда обязательность глубокого систематического анализа результатов правоприменительного толкования через сопоставление его с интерпретационным контекстом обусловлена риском неминуемой процессуальной отмены дефектных судебных решений. Соблюдение контекстных ограничений в правоприменительном толковании представляется инструментом осуществления правосудия, предназначенным для вынесения по результатам конкретного вида судопроизводства законного, фактически и юридически обоснованного решения (ст. 297 УПК РФ, ч. 4 ст. 15 АПК РФ, ст. 195 ГПК РФ, ст. 9 КАС РФ).

риального права (см, например: постановление Президиума Липецкого областного суда от 6 сентября 2019 г. № 44у-27/2019).

¹ См., например: § 17–24 постановления Европейского Суда по правам человека от 21 июня 2016 г. по делу «Аль-Дулими и компания „Монтана Менеджмент Инк.“ против Швейцарии» (жалоба № 5809/08); Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 1992 г. № 9-П по делу о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации от 23 августа 1991 г. № 79 «О приостановлении деятельности коммунистической партии РСФСР», от 25 августа 1991 г. № 90 «Об имуществе КПСС и коммунистической партии РСФСР» и от 6 ноября 1991 г. № 169 «О деятельности КПСС и КП РСФСР», а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР; п. 68 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»; решение МКАС при ТПП РФ от 24 февраля 2016 г. по делу № 107/2015; постановление ФАС Северо-Западного округа от 29 марта 2012 по делу № А42-896/2011; постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 7 февраля 2022 г. по делу № А51-1318/2021.

² Теория государства и права для обучающихся по специальности «Правоохранительная деятельность»: учеб. пособие / под ред. Р. А. Ромашова, Е. Л. Харьковского. М.: Юрайт, 2023.

³ Теория государства и права: учеб. / под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023.

⁴ См., например: Плотников Д. А. О научных взглядах на систему современного гражданского процессуального права России // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 6; Ильин А. В. Нарушение принципов равноправия и состязательности как основание для отмены судебных актов арбитражных судов в кассационном порядке // Закон. 2021. № 7.

⁵ Так, нарушения межотраслевых принципов состязательности и равноправия сторон прямо названы в абз. 3 п. 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» в качестве оснований для отмены состоявшихся судебных актов.

Предлагается разделить контекстные ограничения толкования на две группы. К первой относятся *общеправовые контекстные ограничения*, т. е. базовые универсальные принципы, нарушение которых вне зависимости от вида судопроизводства свидетельствует о дефектности правоприменительного толкования. Вторая группа включает *отраслевые контекстные ограничения*, т. е. принципы толкования законов, характерные для конкретной отрасли права. Учитывая тематику настоящего исследования, перечень контекстных ограничений второй группы будет сформулирован для уголовно-правовой интерпретации. Необходимо отметить, что указанные перечни не дихотомичны, а комплементарны. Общеправовые контекстные ограничения обязательны для толкования норм права любой отраслевой принадлежности, а значит, правоприменитель обязан учитывать их вне зависимости от вида судопроизводства и толкуемого закона.

I. Общеправовые контекстные ограничения толкования

1. *Основы конституционного строя.* На первый взгляд требование неукоснительного соблюдения в процессе правоприменения Конституции РФ, а особенно положений ее первой главы, очевидно. Тем не менее часто такое требование сформулировано абстрактно, без надлежащей конкретики, необходимой правоприменителю. Наша же задача – путем анализа основ конституционного строя Российской Федерации обозначить конкретные интерпретационные правила (ограничения), применимые к любому виду судопроизводства.

Первое ограничение интерпретации любых нормативных актов вытекает из ч. 2 ст. 4, ч. 1 ст. 15 Конституции РФ. Это положение указывает правоприменителю на необходимость разрешения любых вертикальных коллизий по общему правилу в пользу акта большей юридической силы: при коллизии подзаконного акта и федерального закона – в пользу федерального закона; при коллизии федерального закона и Конституции РФ – в пользу последней. То же коллизионное правило в более детальном изложении закреплено в ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

Второе ограничение основывается на положениях ст. 10, 11 Конституции РФ во взаимосвязи со ст. 118 и представляет собой ограничение свободы толкования правоприменителя его компетенцией, из чего вытекает запрет на толкование права *contra legem*.

Третье ограничение, вытекающее из положений ч. 3 ст. 15 Конституции РФ, является, скорее, техническим правилом работы с нормативными актами. Заключается оно в запрете применения законов и иных нормативных актов, которые не были надлежащим образом опубликованы. Например, никто не может быть привлечен к уголовной ответственности в соответствии с законом, который не был официально опубликован. Подобное ограничение распространяется и на все бланкетные нормативные акты, к которым отсылает толкуемый опубликованный нормативный акт.

Четвертое ограничение, закрепленное в ч. 2 ст. 15 Конституции РФ, скорее, применимо к толкованию охранительных норм. В соответствии с указанным положением все субъекты права на территории России обязаны соблюдать ее законы. С логической точки зрения, подкрепленной системным толкованием положений административно-деликтного и уголовного права, это означает, что юридическая ответственность не может наступать в случае, если привлекаемым к ней субъектом нормы права не нарушены (т. е. отсутствует критерий противоправности). Отсюда никакая норма охранительного законодательства не может толковаться как допускающая применение государственного принуждения в отношении лица, действующего в строгом соответствии с регулятивными нормами. Эта позиция поддержана и в отечественной доктрине¹.

2. *Компетенция правоприменителя.* Статья 10 Конституции РФ закрепляет принцип разделения властей, согласно которому законодательная, исполнительная и судебная власть отделены друг от друга и самостоятельны в пределах предоставленной им компетенции. Полномочия законодательной власти определены гл. 5 Конституции

¹ См., например: *Гузеева О. С.* Конституционные основы уголовной ответственности за злоупотребление правами и свободами // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 51. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-133-152.

РФ и представляют собой принятие обязательных на территории России нормативных актов – федеральных законов (включая федеральные конституционные законы). Задача судебной власти, как это следует из ч. 1 ст. 118 Конституции РФ, есть осуществление правосудия, т. е. деятельности по вынесению индивидуальных правовых актов посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. Отсюда компетенцию судебной власти можно обобщенно назвать правоприменением (этот термин охватывает также компетенцию ряда органов исполнительной власти по разрешению индивидуальных правовых ситуаций). Вывод этот подкреплен, в том числе, нормой п. 3 ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», где указано, что соответствующие правовые ситуации разрешаются судами путем применения принятых в установленном порядке нормативных актов (от Конституции РФ до законов ее субъектов).

Правоприменители в отечественной правовой системе полномочны, во-первых, устанавливать фактический состав переданной им на разрешение спорной ситуации; во-вторых, уяснять смысл норм права, регулирующих соответствующие правоотношения; в-третьих, путем сличения фактического состава с нормативным материалом принимать решение об использовании конкретного законоположения в рассматриваемой ситуации. Развивая позицию В. С. Нерсисянца¹, можно утверждать, что не только законодательная власть не должна посягать на полномочия судов по официальному толкованию норм права, но и судебная власть должна находиться в установленных конституционным текстом рамках ее полномочий, не превращая свою деятельность в нормотворчество. Судебная власть не вправе модифицировать существующие нормы, толкуя последние *contra legem*, а тем более создавать новые нормы права.

Обобщая сказанное, сформулируем контекстное правило: никакое правоприменительное толкование уголовного закона не может создавать новые нормы права, выходящие за пределы законодательного текста.

3. *Обязательность правовых позиций органов официального толкования.* Интерпретация нормативного материала отдельными субъектами толкования является обязательной для правоприменителей при вынесении решений по индивидуальным спорам, а несоответствие ей влечет процессуальную отмену состоявшихся дефектных судебных постановлений. Отсюда одним из общеправовых контекстных ограничений является связанность правоприменителя позицией компетентного органа государственной власти, который наделен учредительными актами государства полномочием по интерпретации. К актам, содержащим обязательное для любого правоприменителя толкование, относятся постановления Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ, обзоры судебной практики, утверждаемые Президиумом Верховного Суда РФ, и постановления Президиума Верховного Суда РФ, принятые по результатам рассмотрения дела в порядке надзорной инстанции.

4. *Правило неприменения обратной силы норм об ответственности.* Включение указанного ограничения толкования в перечень общеправовых контекстных ограничений связано с универсальностью принципа, закрепленного ст. 54 Конституции РФ. Санкции как меры юридической ответственности предусмотрены большинством отраслей права, что позволяет трактовать это правило как междисциплинарный или даже фундаментальный принцип для каждой отрасли.

Верховный Суд РФ определяет названный принцип как общеправовое правило применения к лицу юридической ответственности². В то же время положения о действии закона во времени часто воспринимают лишь в качестве негативного обязательства³, т. е. требования воздерживаться от совершения определенных действий, например от применения закона, ухудшающего положение лица, к отношениям,

¹ Нерсисянец В. С. Общая теория права и государства: учеб. М.: Норма, 2021.

² См., например: абз. 2 п. 53 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 за 2018 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14 ноября 2018 г.).

³ Подробнее о различии негативных и позитивных обязательств см., например: Lavrysen L. Human Rights in a Positive State. Cambridge: Intersentia, 2016.

возникшим до вступления его в силу. Несмотря на это, норма ст. 54 Конституции РФ содержит и позитивное обязательство, которое гораздо чаще нарушается в криминальной юстиции, вследствие чего в 2006 г. для исправления ситуации потребовались разъяснения Конституционного Суда РФ¹. Содержание указанного позитивного обязательства сформулировано в ч. 2 ст. 54 Конституции РФ: «Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон». Иными словами, рассматривающий уголовное дело правоприменитель, обнаружив, что после совершения преступления, подпадающего под признаки конкретного состава Особенной части УК РФ, указанный состав был исключен из текста уголовного закона или иным образом смягчено положение подсудимого, обязан применять новый уголовный закон, пусть он и вступил в силу позднее даты совершения общественно опасного деяния. Тем не менее даже в современной следственно-судебной практике встречаются судебные решения, где правоприменители всех инстанций открыто нарушают данный конституционный принцип². Важно установить, что ни один результат судебного толкования закона не может вступать в противоречие с установленными конституционными принципами как запрета обратной силы закона, отягчающего ответственность, так и обязательного применения закона, ее смягчающего.

5. *Non bis in idem*. Принцип недопустимости двойного вменения, на первый взгляд кажущийся уголовно-правовым, является, тем не менее, универсальной максимой, применимой к любому виду юридической ответственности. Это неоднократно подчеркивал Конституционный Суд РФ³. Указанный принцип может служить и частно-правовым целям, запрещая, к примеру, наложение двойной гражданско-правовой ответственности по различным искам с аналогичным основанием и предметом⁴.

Non bis in idem представляет собой еще одно негативное обязательство, иллюстрирующее очередное ограничение толкования: при одинаковом фактическом составе ни одна правоприменительная интерпретация не может влечь повторное применение к лицу однородных мер государственного принуждения. Это обязывает суд как проверять фактические обстоятельства дела, включая наличие у лица более ранних судимостей за совершение тех же действий, так и сопоставлять нормы права, применяемые по совокупности, изучать признаки инкриминируемых составов преступлений и не допускать их повторного вменения.

II. Контекстные ограничения уголовно-правовой интерпретации

1. *Предназначение уголовного права*. Согласно положениям ст. 2 УК РФ его центральной задачей является охрана личности, общества и государства от общественно опасных посягательств. Такая направленность уголовно-правовых запретов свидетельствует о необходимости отнесения отрасли уголовного права к охранительным отраслям, устанавливающим ответственность за посягательства на общественные отношения, урегулированные иными отраслями права⁵ – гражданским, семейным,

¹ Подробнее см.: постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 4-П по делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А. К. Айжанова, Ю. Н. Александрова и других.

² См., например: кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18 ноября 2020 г. № 77-2178/2020. В данном определении рассмотрена кассационная жалоба лица, осужденного по ч. 5 ст. 33, ч. 6 ст. 290 УК РФ за пособничество в получении взятки, совершенное в период с 2008 по 2016 г., когда уже вступил в силу Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ, дополнивший Уголовный кодекс РФ ст. 291.1 («Посредничество во взяточничестве»), санкция которой является более мягкой по отношению к санкции ст. 290 УК РФ.

³ См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2021 г. № 10-П по делу о проверке конституционности части 4 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина В. А. Вострикова.

⁴ Рехтина И. В. *Non bis in idem* и правовая определенность в гражданском судопроизводстве России // Современное право. 2021. № 1. С. 59. DOI: 10.25799/N1.2021.67.48.009.

⁵ Арямов А. А., Руева Е. О. Цифровое право как объект уголовно-правовой охраны // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 45–47.

экологическим, административным, налоговым и т. д. Только в случае выявления девиаций в функционировании таких отношений уголовное право вмешивается в их реализацию, запуская механизм государственно-правового принуждения. Отсюда представляется верным расширить правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в постановлении от 19 ноября 2013 г. № 24-П, где в качестве материально-правовой предпосылки уголовно-правовых отношений названы лишь собственно нормы уголовного закона. По нашему убеждению, для возникновения уголовно-правовых отношений необходимо как минимум два условия: во-первых, существование в позитивном правовом поле общественных отношений определенного вида, их урегулирование иными отраслями права (юридическое основание); во-вторых, юридический факт посягательства на нормальное развитие указанных правоотношений в виде неправомерного действия – преступления, содержащего все признаки конкретного состава Особенной части УК РФ (фактическое основание). Ни одна норма уголовного права, исходя из его охранительной природы, не может толковаться как допускающая использование механизма уголовной ответственности без юридического основания.

2. *Запрет аналогии закона.* Запрет аналогии закона установлен не только в уголовном праве, но и в иных охранительных отраслях (например, административно-деликтном праве), тем не менее сфера его применения ограничена лишь этими отраслями. Отсюда отнесение данного правила к контекстным ограничениям, свойственным именно уголовному праву, видится оправданным.

Во второй половине XX в. зародилась тенденция к отказу от аналогии не только в уголовном, но и в уголовно-процессуальном праве¹. Развивая ее, А. С. Пиголкин предлагал «распространить принцип недопустимости аналогии и на всю правоохранительную деятельность»². Тем не менее сегодня уголовная практика избрала кардинально иной путь развития. Существо аналогии закона исчерпывающе освещено как в отечественной, так и в зарубежной правовой доктрине. Как отмечали Д. Канале и Дж. Тузет, аналогия закона может быть представлена следующей логической формулой: «С1 подпадает под действие N1. С2 не подпадает под действие ни одной нормы в действующем законодательстве (выявлен пробел в праве). Между С1 и С2 наблюдается определенная схожесть. С2 подпадает под действие N2, полученной в результате аналогии закона (восполнения выявленного пробела в праве)»³.

Аналогия закона представляет собой, по сути, судебное нормотворчество, недопустимость которого в сфере уголовно-правовых запретов аргументирована ранее. Отметим лишь, что результат толкования уголовного закона в процессе правоприменительной деятельности не должен служить средством устранения пробелов в этом самом законе.

3. *Общественная опасность как обязательный признак преступления.* В отечественной правовой системе перечень неправомерных действий ранжирован по степени их вреда личности, обществу и государству: самыми опасными признаются преступления, за ними следуют административные правонарушения, а затем гражданско-правовые и трудовые правонарушения (дисциплинарные проступки). Упомянутые степени вреда в нормативных источниках названы «общественной опасностью преступлений» (ст. 14 УК РФ) и «общественной вредностью административных правонарушений» (ст. 2.2, 4.2 КоАП РФ)⁴. Эти категории, хотя и определяются в доктрине и практике по большей части через противопоставление друг другу⁵, являются фактическим основанием применения механизма государственно-правового

¹ Элькин П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М.: Юрид. лит., 1967.

² Пиголкин А. С. Обнаружение и преодоление пробелов права // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 53.

³ Canale D., Tuzet G. Analogical reasoning and extensive interpretation // Archiv Fuer Rechts Und Sozialphilosophie. 2017. Bd. 103. № 1. S. 119.

⁴ Гражданско-правовые правонарушения и дисциплинарные проступки не имеют специально выделенной степени вреда, возможно, потому, что не имеют такого же вредоносного эффекта, который превращал бы их из частных правонарушений в общественные, т. е. не только причиняющие вред конкретному лицу, но и дестабилизирующие общественное отношение в целом.

⁵ См., например: Маркова О. С. Общие черты административных правонарушений и преступлений // Административное и муниципальное право. 2018. № 6.

принуждения, предусмотренного уголовным и административным законами соответственно.

4. *Принцип вины.* Уголовный кодекс РФ устанавливает безальтернативный запрет на объективное вменение, т. е. привлечение к уголовной ответственности лиц, чья вина (в узком смысле – особое психическое отношение к совершенному деянию¹) не доказана. Не вдаваясь в изучение субъективной стороны состава преступления², отметим лишь, что, исходя из доктрины субъективно-объективного вменения, в рамках юрисдикции российского уголовного права к ответственности может быть привлечено лишь такое лицо, чье психическое отношение к совершенному деянию обладает признаками одного из видов вины (прямого, косвенного умысла и легкомыслия или небрежности соответственно). В отсутствие необходимых признаков, позволяющих квалифицировать психическое отношение лица, уголовная ответственность наступать не может.

5. *Кумулятивный характер перечня элементов состава преступления.* Положения ст. 8 УК РФ закрепляют, что основанием уголовной ответственности является установление в действиях субъекта всех признаков конкретного состава преступления. Это требование обращено не только к правоприменителю, как это может показаться на первый взгляд, но и к законодателю, который, предусматривая уголовную ответственность за конкретное деяние, должен наиболее полно отразить обязательные признаки преступления в статье Особенной части уголовного закона.

В то же время законодатель не включает в ст. 8 УК РФ перечень обязательных признаков состава преступления – эта юридическая конструкция выработана и систематизирована в доктрине, а не в нормативном тексте. Несмотря на это, говорить об отсутствии указанного перечня в тексте уголовного закона нельзя. Так или иначе все обязательные признаки состава преступления названы в ряде норм Общей части уголовного закона: объект уголовно-правовой охраны исчерпывающе описан в ст. 2 УК РФ; общественно опасное деяние – в ст. 3, 5, 9 и т. д.; общественно опасные последствия – в ст. 5, 9, 25 и т. д.; вина – в ст. 5, 24–28; субъект преступления – в ст. 19–22.

Следовательно, при толковании уголовно-правовых запретов для целей правоприменения судьи обязаны учитывать, что каждый запрет непременно содержит описание всех обязательных признаков, подлежащих установлению для привлечения лица к уголовной ответственности. В противном случае правоприменитель должен констатировать невозможность привлечения лица к ответственности ввиду отсутствия указания на хотя бы один из обязательных признаков (деяние, вину и т. д.) со ссылкой на ст. 8 УК РФ и положения его Общей части.

6. *Соответствие нормам Общей части уголовного закона.* Данное ограничение не может считаться общеправовым. Например, в гражданском праве положения его Общей части являются, скорее, отправными точками для их конкретизации в нормах части особенной³. Подобный подход для уголовного права немыслим – здесь нормы Общей части часто рассматриваются как гипотеза всех уголовно-правовых запретов⁴, что полностью исключает противоречие между структурными элементами норм права. Требование неукоснительного соблюдения норм Общей части в правоприменительной практике, скорее, является характеристикой охранительных отраслей, что и дает основание относить такое правило к уголовно-правовым контекстным ограничениям.

¹ Подробнее см.: Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. М.: Госюриздат, 1950.

² О современных проблемах вины в уголовном праве см., например: Наумов А. В. Вина как признак преступления и принцип Уголовного кодекса РФ // Российский следователь. 2022. № 5. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-5-39-42; Шестало С. С. Новый раунд борьбы с экстремизмом: уголовная ответственность за распространение запрещенных материалов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Юрист. 2019. № 9. DOI: 10.18572/1812-3929-2019-9-64-69; Башлаков-Николаев И. В. О необходимости предупреждения объективного вменения при решении вопросов ответственности за коллективное доминирование // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 2.

³ Например, в ст. 307.1 Гражданского кодекса РФ прямо указано на необходимость разрешать все содержательные коллизии между общей и особенной частями в пользу последней.

⁴ См., например: Уголовное право России: общая часть: учеб. / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2006.

Первым требованием о том, что ни одно правоприменительное толкование не может противоречить нормам Общей части уголовного закона, сформулировал А. С. Пиголкин¹.

Соблюдение всех перечисленных общеправовых и специально-уголовных контекстных ограничений, по нашему мнению, существенно сократит число неправомерных результатов правоприменительного толкования. Судье надлежит избрать для включения в итоговый правоприменительный акт тот результат интерпретации, который не входит в число дефектных, т. е. нарушающих хотя бы одно из описанных выше контекстных ограничений толкования.

Список литературы

Арямов А. А., Руева Е. О. Цифровое право как объект уголовно-правовой охраны // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 45–47.

Башлаков-Николаев И. В. О необходимости предупреждения объективного вменения при решении вопросов ответственности за коллективное доминирование // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 2. С. 64–74.

Гузеева О. С. Конституционные основы уголовной ответственности за злоупотребление правами и свободами // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 51. С. 133–152. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-133-152.

Ильин А. В. Нарушение принципов равноправия и состязательности как основание для отмены судебных актов арбитражных судов в кассационном порядке // Закон. 2021. № 7. С. 70–80.

Колоколов Я. Н. Отечественный парламент лишен права на аутентическое толкование своих законов // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 2. С. 20–24.

Лучин В. О., Мазуров А. В. Толкование Конституции Российской Федерации (обзор практики Конституционного Суда) // Право и власть. 2001. № 1. С. 90–103.

Маркова О. С. Общие черты административных правонарушений и преступлений // Административное и муниципальное право. 2018. № 6. С. 1–8.

Науом А. В. Вина как признак преступления и принцип Уголовного кодекса РФ // Российский следователь. 2022. № 5. С. 39–42. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-5-39-42.

Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учеб. М.: Норма, 2021. 560 с.

Пиголкин А. С. Обнаружение и преодоление пробелов права // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 49–57.

Плотников Д. А. О научных взглядах на систему современного гражданского процессуального права России // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 6. С. 112–139.

Рехтина И. В. Non bis in idem и правовая определенность в гражданском судопроизводстве России // Современное право. 2021. № 1. С. 56–60. DOI: 10.25799/NI.2021.67.48.009.

Суркова С. В. Расширительное толкование норм права // СПС «КонсультантПлюс». 2022.

Теория государства и права: в 2 т. Т. 2: Особенная часть: учеб. и практикум для вузов / под общ. ред. А. П. Альбова, С. В. Никулиной. М.: Юрайт, 2023. 336 с.

Теория государства и права для обучающихся по специальности «Правоохранительная деятельность»: учеб. пособие для вузов / под ред. Р. А. Ромашова, Е. Л. Харьковского. М.: Юрайт, 2023. 441 с.

Теория государства и права: учеб. / под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 516 с.

Уголовное право России: общая часть: учеб. / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб.: Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2006. 1061 с.

Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. М.: Госюриздат, 1950. 318 с.

Шершеневич Г. Ф. Общая теория права // Шершеневич Г. Ф. Избранное: в 6 т. / вступ. сл., сост. П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2016. Т. 4. С. 8–696.

Шестало С. С. Новый раунд борьбы с экстремизмом: уголовная ответственность за распространение запрещенных материалов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Юрист. 2019. № 9. С. 64–69. DOI: 10.18572/1812-3929-2019-9-64-69.

Элькинд П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М.: Юрид. лит., 1967. 192 с.

Ammann O. Domestic Courts and the Interpretation of International Law. Methods and Reasoning Based on the Swiss Example. Copenhagen: Brill Publishers, 2019. 383 p. DOI: <https://doi.org/10.1628/978-3-16-158164-9>.

Canale, D., Tuzet, G. Analogical reasoning and extensive interpretation // Archiv Fuer Rechts Und Sozialphilosophie. 2017. Bd. 103. № 1. S. 117–135.

Lavrysen L. Human Rights in a Positive State. Cambridge: Intersentia, 2016. 428 p.

¹ Теория государства и права: учеб. для вузов / под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева.

References

Al'bov A.P., Nikol'yukin S. V. (2023) *Teoriya gosudarstva i prava: in 2 vols. Vol. 2: Osobennaya chast'* [Theory of state and law: in 2 vols. Vol. 2. Special part]. Moscow, Yurait, 336 p.

Ammann O. (2020) *Domestic Courts and the Interpretation of International Law. Methods and Reasoning Based on the Swiss Example*. Copenhagen, Brill Publishers, 383 p.

Aryamov A. A., Rueva E. O. (2020) Tsifrovoye pravo kak ob"ekt ugolovno-pravovoi okhrany [Digital law as an object of criminal law protection]. In *Rossiiskaya yustitsiya*, no 1, pp. 45–47.

Bashlakov-Nikolaev I. V. (2020) O neobkhodimosti preduprezhdeniya ob"ektivnogo vmeneniya pri reshenii voprosov otvetstvennosti za kollektivnoe dominirovanie [On the need to prevent objective imputation in resolving issues of responsibility for collective dominance]. In *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, no. 2, pp. 64–74.

Canale D., Tuzet G. (2017) Analogical Reasoning and Extensive Interpretation. In *Archiv Fuer Rechts Und Sozialphilosophie*, vol. 103, no. 1, pp. 117–135.

El'kind P. S. (1967) *Tolkovanie i primeneniye norm ugolovno-protsessual'nogo prava* [Interpretation and application of the norms of criminal procedure law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 192 p.

Guzeeva O. S. (2021) Konstitutsionnye osnovy ugolovnoi otvetstvennosti za zloupotrebleniye pravami i svobodami [Constitutional framework of criminal liability for abuse of rights and freedoms]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, no. 1, pp. 133–152, DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-133-152.

Il'in A. V. (2021) Narusheniye printsipov ravnopraviya i sostyazatel'nosti kak osnovaniye dlya otmeny sudebnykh aktov arbitrazhnykh sudov v kassatsionnom poryadke [Violation of the principles of equality and competitiveness as a basis for the cancellation of judicial acts of arbitration courts in cassation]. In *Zakon*, no. 7, pp. 70–80.

Kolokolov Ya. N. (2011) Otechestvennyi parlament lishen prava na autenticheskoye tolkovaniye svoikh zakonov [The domestic parliament is deprived of the right to an authentic interpretation of its laws]. In *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye*, no. 2, pp. 20–24.

Kropachev N. M., Volzhenkin B. V., Orekhov B. V. (2006) *Ugolovnoye pravo Rossii: Obshchaya chast'* [Criminal law of Russia: General part]. Saint Petersburg, Izdatel'skii Dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 1061 p.

Lavrysen L. (2016) *Human Rights in a Positive State*. Cambridge, Intersentia, 428 p.

Luchin V. O., Mazurov A. V. (2001) Tolkovaniye Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii (obzor praktiki Konstitutsionnogo Suda) [Interpretation of the Constitution of the Russian Federation (review of the practice of the Constitutional Court)]. In *Pravo i vlast'*, no. 1, pp. 90–103.

Markova O. S. (2018) Obshchie cherty administrativnykh pravonarushenii i prestuplenii [Common features of administrative offenses and crimes]. In *Administrativnoye i munitsipal'noye pravo*, no. 6, pp. 1–8.

Naumov A. V. (2022) Vina kak priznak prestupleniya i printsip Ugolovnogo kodeksa RF [Guilt as a crime attribute and a principle of the Criminal Code of the Russian Federation]. In *Rossiiskii sledovatel'*, no. 5, pp. 39–42, DOI: 10.18572/1812-3783-2022-5-39-42.

Nersesyants V. S. (2021) *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General theory of law and the State]. Moscow, Norma, 560 p.

Pigolkin A. S. (1970) Obnaruzheniye i preodoleniye probelov prava [Detecting and bridging legal gaps]. In *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*, no. 3, pp. 49–57.

Pigolkin A. S., Dmitriev Yu. A. (2023) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law], 4th ed., reprint. and add. Moscow, Yurait, 516 p.

Plotnikov D. A. (2021) O nauchnykh vzglyadakh na sistemu sovremennogo grazhdanskogo protsessual'nogo prava Rossii [On scientific views on the system of modern civil procedural law in Russia]. In *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, vol. 11, no. 6, pp. 112–139.

Rekhtina I. V. (2021) Non bis in idem i pravovaya opredelennost' v grazhdanskom sudoproizvodstve Rossii [Non bis in idem and legal certainty in civil proceedings of Russia]. In *Sovremennoye pravo*, no. 1, pp. 56–60.

Romashov R. A., Khar'kovskiy E. L. (2023) *Teoriya gosudarstva i prava dlya obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «Pravookhranitel'naya deyatel'nost'»* [Theory of state and law for students majoring in Law Enforcement]. Moscow, Yurait, 441 p.

Shershenevich G. F. (2016) *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. In Shershenevich G. F. *Izbrannoye: in 6 vols.*, ed. by P. V. Krasheninnikov. Moscow, Statut, vol. 4, pp. 8–696.

Shestalo S. S. (2019) Novyi raund bor'by s ekstremizmom: ugolovnaya otvetstvennost' za rasprostraneniye zapreshchennykh materialov v informatsionno-telekommunikatsionnoi seti «Internet» [The new round of extremism combating: criminal liability for distribution of prohibited files on the Internet information and telecommunications network]. In *Yurist*, no. 9, pp. 64–69.

Surkova S. V. (2022) Rasshiritel'noye tolkovaniye norm prava [Broad interpretation of the law]. In *SPS «Konsul'tantPlyus»*.

Utevskey B. S. (1950) *Vina v sovetskom ugolovnom prave* [Guilt in Soviet criminal law]. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 318 p.